

ИСПОЛНЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНАГО ДОЛГА.

Русскій человекъ всегда мечтаетъ о необыкновенномъ, и большинство, если и исполняетъ свой повседневный долгъ, дѣлаетъ это вяло и неохотно. Исключеніе составляютъ лишь люди высокой духовности: они знаютъ, что путь къ необыкновенному не только начинается, но и до самаго конца сопровождается тщательнымъ исполненіемъ простыхъ, какъ будто, скучныхъ и сѣрыхъ вещей. На самомъ дѣлѣ, онѣ совсѣмъ не скучныя и не простыя, но заурядные люди этого не замѣчаютъ и непременно хотятъ перешагнуть черезъ нижнія и промежуточные ступени, сразу выскочить вверхъ, не подняться на гору, а безъ труда взлетѣть на нее. Вотъ почему эти люди ставятъ себѣ и другимъ максимальныя, непосильныя задачи, а затѣмъ, либо срываются и ушибаются при безплодныхъ попыткахъ прыгнуть выше лба, либо, что бываетъ чаще, проводятъ жизнь въ бесполезныхъ мечтахъ (маниловщина), постепенно падаютъ духомъ, опускаются и зарываютъ въ землю даже тотъ малый талантъ, который былъ имъ данъ. Въ этомъ лежитъ одна изъ причинъ, почему эмиграція меньше дѣлаетъ для освобожденія Россіи, чѣмъ можно было бы отъ нея ожидать и требовать.

Но не столько вины въ заурядныхъ людяхъ, сколько въ тѣхъ, которые отмѣчены печатью большого таланта, если они пользуются имъ только для себя и не отдаютъ его на служеніе матери-родинѣ. Осуждаютъ и справедливо осуждаютъ тѣхъ русскихъ богачей, которые ничего не дѣлаютъ для Россіи, но развѣ талантъ, будь то музыкальный, художественный, артистическій, будь то талантъ изобразителя или ученаго, развѣ онъ дается человеку за заслуги?

Такъ же, какъ и дѣловыя способности и удачи, какъ и случайность рожденія отъ богатыхъ родителей, такъ же падаетъ съ Неба и дарованіе пѣвца, писателя, композитора, изслѣдователя. Всѣ люди, достигшіе жизненныхъ успѣховъ, равны; никакая гениальность не ставитъ человека выше нравственного закона и родины. Никто не имѣетъ права сказать: «я великій служитель науки или искусства, и поэтому—я виѣ человѣческихъ подраздѣленій, я не бѣлый и не большевикъ».

Вѣдь это все равно, что объявить добро и зло для себя безразличнымъ, почитая разницу между ними ниже себя. Къ сожалѣнію, такіе случаи бываютъ, а заграничное русское общественное мнѣніе своей постыдной снисходительностью потворствуетъ нашимъ избранникамъ судьбы, находящимся въ забытіи ума.

Вотъ это подсознательное сомнѣніе въ обязательности для гениевъ и талантовъ повседневныхъ правилъ житейской морали — приводитъ иногда и хорошихъ людей къ страннымъ уклонамъ мысли.

Мнѣ пришлось разъ услышать такую фразу: «Можно быть святымъ, не будучи честнымъ съ буржуазной точки зрѣнія. Щепетильность въ денежныхъ дѣлахъ — мелочь; на нее можно не обращать вниманія и не нужно останавливаться на ней, идя къ великой цѣли».

Человѣкъ, сказавшій это, самъ былъ безсребренникомъ и педантично честнымъ — тѣмъ болѣе ужасно было то, что онъ сказалъ. Такое стремленіе не идти по тяжелому и узкому пути совѣстливаго и внимательнаго отношенія къ мелочамъ жизни, а пытаться сократить дорогу, идя цѣликомъ, заводитъ многихъ въ дебри, а иногда и въ бездну.

Какъ въ первые вѣка христіанства вокругъ яснаго, свѣтлаго, глубокаго и въ то же время трезваго ученія церкви возникали смутныя гностическія секты, такъ и сейчасъ въ эмиграціи около прямого пути, какъ ядовитые грибы, вырастаютъ полуполитическія, полумистическія ученія, — чѣмъ пранѣй и неправдоподобнѣе, тѣмъ заманчивѣй, — и привлекаютъ къ себѣ молодежь.

Въ подъяремной Руси большевики завели обученіе «политграмотѣ»: черезъ нее въ подрастающее поколѣніе систематически внѣдряется духовная и жизненная ложь. Очевидно, намъ нужно завести *школы жизненной правды*, особенно ея азбуки — *исполненія повседневнаго долга*. Раньше лучшей его школой была *армія*; и если чувство долга, несмотря на нашъ характеръ, все-таки держится въ эмиграціи, то это потому, что вліятельнѣйшая часть ея живетъ военными традиціями. Но подрастаетъ новое поколѣніе, не прошедшее черезъ армію и ему трудно будетъ обороняться отъ всякихъ напештываній. Необходимо отцамъ и старшимъ братьямъ осознать опасность, придти на помощь слѣдующему поколѣнію и всеми мѣрами препятствовать превращенію его въ такую же *толпу политикановъ и фантазеровъ*, какой было большинство русскаго дореволюціоннаго общества, не понимавшее высокаго значенія и смысла будничныхъ обязанностей дня, этихъ первыхъ испытаній вѣрности великой идеѣ долга.

Въ настоящее время сама жизнь съ особой очевидностью, властно, въ неразрывной связи, ставитъ передъ нами двѣ стороны будничнаго долга. Первая сторона обращена къ семьѣ, къ своимъ дѣтямъ. Здѣсь цѣль — устройство и не только устройство, но и упроченіе своего экономическаго положенія.

Вторая, важнѣйшая сторона — *родина*; цѣль — *освобожденіе Россіи отъ большевицкаго ига*. Успѣшное разрѣшеніе первой задачи, поможетъ разрѣшенію второй.

Опытъ другихъ эмиграцій показалъ важность для всякихъ освободительныхъ дѣйствій наличности *состоятельныхъ эмигрантскихъ группъ*. Извѣстна, на примѣръ, роль богатаго зарубежнаго греческаго купечества въ дѣлѣ освобожденія Греціи отъ турокъ въ началѣ XIX столѣтія. И намъ, чтобы шире

развернуть борьбу съ коммунистами. *изъ голытьбы нужно превратиться въ домовитыхъ людей.* Такой процессъ образованія новой буржуазіи изъ среды пролетаризированнаго русскаго бѣженства уже начался и протекаетъ въ общемъ слѣдующимъ образомъ.

Первыми стали достигать жизненнаго успѣха члены артистической среды: музыканты, пѣвцы, киноартисты. За ними послѣдовали художники, изобрѣтатели, ученые и, наконецъ, въ самое послѣднее время, новые кушцы и промышленники изъ лицъ самыхъ разнообразныхъ профессій и состояній.

Представители старой русской торговопромышленной буржуазіи лишь въ единичныхъ случаяхъ оказались заграницей обладателями сколько-нибудь значительныхъ капиталовъ и, несмотря на жертвенность и патріотизмъ отдѣльныхъ лицъ, ихъ совокупная экономическая мощь слишкомъ незначительна, чтобы ее можно было класть въ основаніе финансоваго плана борьбы за освобожденіе Россіи.

Безъ притока свѣжихъ людей и средствъ не обойтись.

Возникновеніе заграничной вѣтви новой русской буржуазіи важно еще и потому, что она невольнo усвоить нѣкоторыя черты западной буржуазіи, а послѣдняя является средой, гдѣ *культъ повседневнаго долга* достигаетъ высшаго своего развитія. Пойдя въ этомъ отношеніи на выучку къ Западу, мы позаимствуемъ у него недостающую намъ часто *послѣдовательность, выдержку, упорство и трезвость мысли.*

Все это — очень много, но для русскаго характера недостаточно: намъ нужно еще нѣчто высшее — *религіозное освященіе долга*, даже низшаго — простыхъ будничныхъ заботъ; иначе полезные западные навыки лишь механически пристанутъ къ намъ и соскочатъ, какъ только мы попадемъ назадъ въ родную стихію.

Въ этомъ пунктѣ рельефно выступаетъ разница между русской и западной, напимѣръ, нѣмецкой, психологіей. Нѣмецъ говоритъ: «Verdammte Pflicht und Schuldigkeit», что въ буквальномъ переводѣ означаетъ: «проклятый долгъ и повинность», но по настоящему слово «verdammte» здѣсь не переводимо. Въ немъ выражается какое-то внутреннее возмущеніе насиліемъ, которое долгъ производитъ надъ личностью человѣка и одновременно чувствуется *преклоненіе* передъ авторитетомъ долга, сознание *безполезности сопротивленія* его непреодолимому могуществу.

Эта «verdammte Schuldigkeit», въ сущности говоря, переложеніе на языкъ нѣмецкаго фельдфебеля и монтера, того «категорическаго императива», который былъ положенъ Кантомъ и Фридрихомъ Великимъ въ основу воспитанія германскаго національнаго характера.

Другое встрѣчаемъ у насъ.

Если въ тяжелую минуту нѣмецкому солдату нужно кричать: «Pflicht», то русскому солдату нужно кричать «присяга».

Такое религіозное трактованіе долга. и только такое, дѣлаетъ чудеса съ русскимъ человѣкомъ. переворачиваетъ его анархическую природу.

Не любить снѣ стѣсняться въ мелочахъ и въ формахъ: а какъ только вносится въ нихъ высшій религіозный смыслъ, такъ культъ чинности, порядка, соблюденія правилъ вдругъ становится любезнымъ, роднымъ и понятнымъ. Виѣшняя и внутренняя муштра *русскаго старообрядческаго обихода* въ своемъ планѣ была несколько не слабѣе муштры прусскаго гвардейскаго полка въ его планѣ. И все-таки старообрядцы не менѣе другихъ слоевъ русскаго населенія поддались соблазну большевизма.

Почему это произошло?

Отъ забвенія, или, вѣрнѣе, непониманія широкими массами русскаго народа, однимъ изъ слоевъ котораго являются старообрядцы, *идеи долга во всей ея полнотѣ*.

Природа долга не проста, а трояка.

Долгъ передъ собою (семья).

Долгъ передъ родиною.

Долгъ передъ Богомъ.

Третье — неизмѣримо главнѣйшее и единственно самоудовлѣбющее, а первое и второе — лишь ступени для третьяго: но установлены и онѣ Богомъ, и человѣку равно заповѣдано какъ не творить изъ нихъ себѣ кумира, такъ и *не отбрасывать ихъ совѣсть*.

Нужно любить Бога больше родины, родину больше семьи, но этого нельзя достигнуть, если совѣмъ разлюбить родину и семью. Больше, чѣмъ ноль, можетъ быть очень малымъ и абсолютная цѣнность его тогда ничтожна. Такъ обыкновенно и случается: отсутствіе любви къ близкимъ и къ родинѣ засушиваетъ любовь къ Богу.

Разные народы по разному относятся къ долгу: западные европейцы часто останавливаются на второй ступени, дальше не идутъ, изъ родины дѣлаютъ себѣ кумирь. Русскіе этого грѣха не совершали: — наоборотъ. — они почти устранили родину изъ своего сознанія, какъ объектъ долга. Россія всеѣмъ казалась такой могучей и необозримой, поэтому туманной и далекой, а одновременно столь властной и давящей, что *забота о ней пропадала*.

Подъ конецъ многіе сдѣлались только патріотами своей деревни, а все кругомъ стало чужимъ. На практикѣ выпаденіе чувства долга къ Россіи и подмѣна его преувеличеннымъ чувствомъ значенія общины, «міра» («противъ міра самъ Царь не воленъ») привели къ тому, что насиліе всеѣмъ міромъ надъ слабымъ сосѣдомъ, будь то одиночный помѣщикъ, хуторянинъ

или даже цѣлая деревня, принималось какъ законный актъ войны съ внѣшнимъ врагомъ и за грѣхъ не почиталось.

Въ результатѣ даже у вѣрующихъ людей искажалось правильное пониманіе религіознаго долга, ибо *нельзя соблюдать большихъ Божьихъ установленій, не соблюдая меньшихъ*: разрушили низшую ступень, любовь къ родинѣ, — не устояли на высотѣ и въ любви къ Богу.

Если русскіе низы пренебрегали долгомъ къ родинѣ, то русскіе верхи пренебрегали долгомъ къ самому себѣ. Это не означаетъ, что никто изъ нихъ не заботился о своемъ интересѣ, напротивъ того, очень заботились, иногда даже больше, чѣмъ нужно, но *занятіе производительнымъ трудомъ не уважалось въ принципѣ*.

Честно ли кто наживалъ, или безчестно — почиталось почти за одно, да, въ сущности, *мало кто и вѣрилъ, что можно честно наживать*. Поэтому, ни свою, ни чужую старательную, трудовую жизнь, направленную на достиженіе хозяйственнаго успѣха, никто за исполненіе долга не считалъ, если да же эта жизнь велась съ большимъ соблюденіемъ совѣсти.

Такимъ отношеніемъ *былъ вынутъ духъ изъ труда*.

Сталъ трудъ безмысленнымъ и завладѣлъ имъ коммунизмъ.

Дикій и разрушительный самъ по себѣ, онъ явился бичемъ Божіимъ, невольнымъ орудіемъ наказанія и вразумленія.

Сейчасъ большинство эмигрантовъ поставлено на мелкую, будничную работу и дурманъ красочной видимости старой блестящей жизни отнять. За это время многіе изъ насъ на своемъ опытѣ узнали слѣдующее: когда дѣлаешь самыя скучныя вещи — моешь посуду, бьешь камни на дорогѣ, бѣгаешь по городу комиссіонеромъ, когда дѣлаешь все это, относясь къ своимъ обязанностямъ, какъ къ Божьему порученію, какъ къ службѣ на постахъ, куда насъ развели Божьи разводящіе, то въ работу вносишь тицаніе, сугубую честность, внимательность; и тогда надобливый трудъ освящается и одухотворяется въ нашихъ глазахъ: не просто работаешь, а *Божье повелѣніе дѣлаешь*. Подумаешь объ этомъ и сѣрая горькая жизнь сразу сверкнетъ радугой. Слабъ нашъ духъ, препадетъ радуга, опять горечь и усталость, но ненадолго: знаешь — по дорогѣ стоятъ маяки. Удивительна сила Божьей идеи: она привязываетъ крылья къ гириямъ жизни, даетъ смыслъ и значеніе тому, что безъ нея кажется тяжелымъ, ненужнымъ и безпросвѣтнымъ, пустыню покрываетъ цвѣтами.

Великъ и глубокъ сейчасъ опытъ жизни у насъ: только въ Библии найдешь еще высшій опытъ.

Такое одухотвореніе нудныхъ по видимости дѣлъ, приноситъ не только пользу душѣ, но помогаетъ и въ земной дѣятельности: давно уже подмѣчено, что *группы населенія съ интенсивной религіозной жизнью быстро поднимаются материально*. Это влечетъ за собой опасность излишняго обмірще-

нія, но эмигрантскій жизненный строй до известной степени насъ спасаетъ.

Мы живемъ, если не въ состояніи войны, то и не въ обычныхъ условіяхъ нормальной европейской жизни, гдѣ область повседневнаго долга какъ-то обособляется отъ области долга передъ родиной и передъ Богомъ.

Нашъ обиходъ постоянно напоминаетъ о единствѣ долга; и то же самое, навѣрное, даже еще въ бо́льшей степени, происходитъ и въ Россіи.

Если внимательно вникнуть въ смыслъ судьбы русскаго мужика подъ властью коммунистовъ и судьбы русскаго интеллигента въ изгнаніи, то *нельзя не удивиться цѣлесообразности наложеннаго на каждого изъ нихъ наказанія*. Мужикъ какъ будто въ Россіи, а меньше въ ней, чѣмъ мы зарубежомъ: русскій духъ въ Россіи подъ запретомъ и право дышать имъ приходится ежеминутно отвоевывать. Исполненіе долга къ родинѣ продвинуто внизъ на одну ступень, поставлено наряду съ повседневнымъ домашнимъ долгомъ.

Намъ назначено другое. Лѣзли мы раньше на какую-то новую, косую, умственную Вавилонскую башню; а теперь, когда она повалилась, лежимъ на землѣ и въ мелочахъ жизни Бога находимъ.

Властной рукой Справедливости, русскіе верхи и низы изъ разныхъ темныхъ угловъ мудрствованія, куда они разошлись, возвращены къ началу пути долга и поставлены рядомъ *духовно*; хотя *пространственно* они пока и въ раздѣленіи.

Въ этомъ установленіи одинаковаго пониманія долга, какъ у мужика, такъ и у интеллигента, лежитъ залогъ освобожденія и спасенія Россіи.

Нужно желать и стараться, чтобы и постѣ освобожденія пути пониманія никогда больше не расходились.

Странникъ.

МЕЛКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ РОССІИ.

1. Два освобожденія.

За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ въ Россіи не было вопроса, о которомъ больше говорили бы и писали и который меньше знали бы, чѣмъ русскій «аграрный вопросъ». И доселѣ въ немъ совершенно не разбираются не только иностранцы, но и большинство русскихъ, сущихъ въ разсѣяніи. А между тѣмъ, каждому русскому слѣдовало бы относиться къ вопросамъ, связаннымъ съ землей и съ сельскимъ хозяйствомъ, съ тѣмъ же вниманіемъ и разумѣніемъ, съ которымъ всякій англичанинъ относится къ вопросамъ мореплаванія. Ибо благополучіе Россіи такъ же зависитъ отъ состоянія ея сельскаго хозяйства, какъ существованіе Англіи — отъ ея господства на моряхъ.